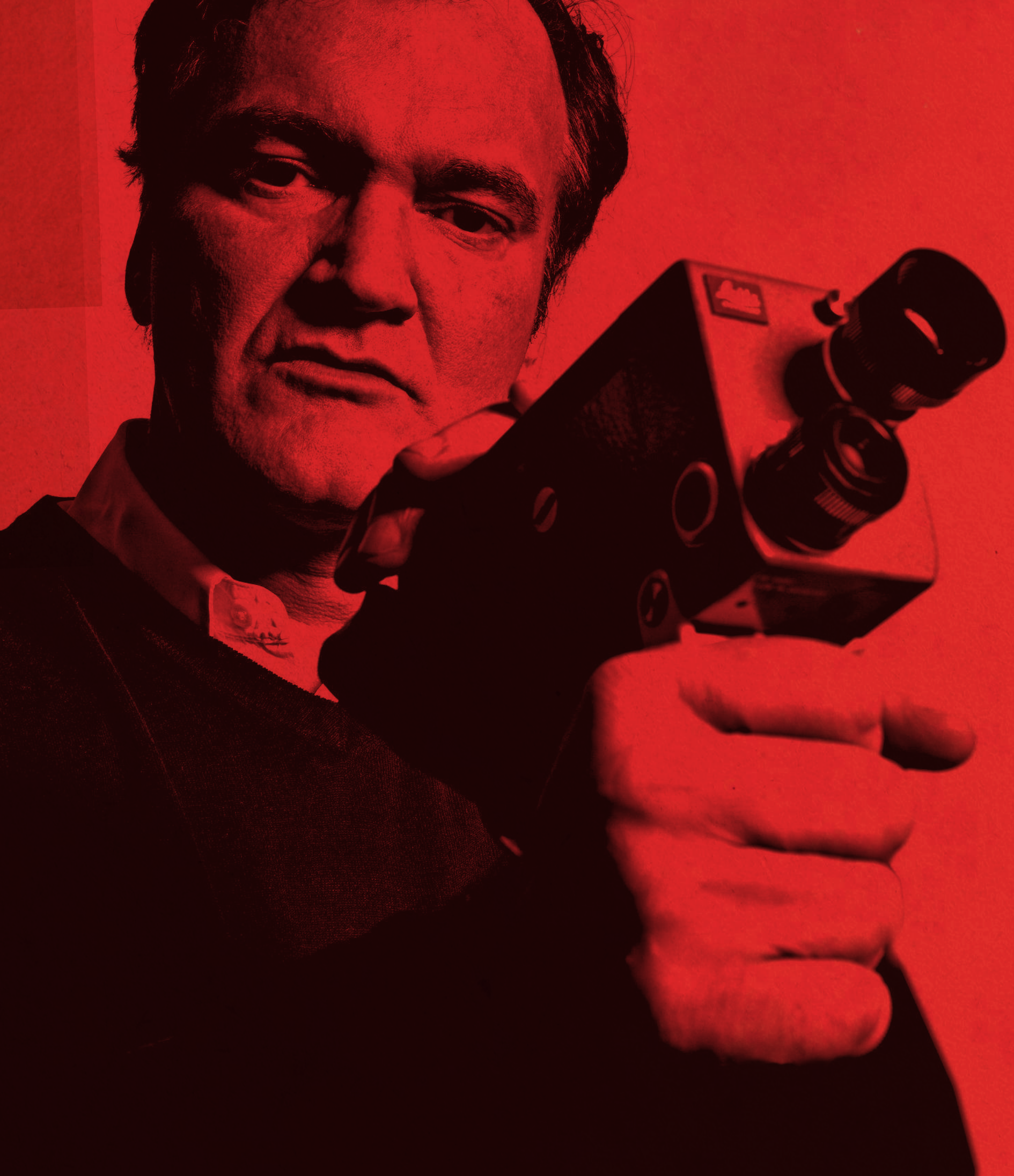

«Когда я делаю фильм, я хочу, чтобы он стал для меня всем; чтобы я готов был умереть ради него».

Квентин

ТОМ ШОН

ТАРАНТИНО

Более 250 фотографий!

Книга Тома Шона имеет лишь один недостаток — она слишком хороша. Ведь писать о Тарантино, в сущности, заведомо проигрышное дело: его творчество богаче любых интерпретаций. Да и умнее их. Поэтому у автора была сложная задача. Но он с ней справился — не ушел в напыщенную риторику, не стал избыточно философствовать, а биографическими данными ловко уравновесил повествовательный ритм.

Дело в том, что Тарантино умеет не только искусно рассказывать, но и показывать. Иными словами, его картины придуманы так, что говорят сами за себя. Вот почему Том Шон не идет по ложному пути претенциозного анализа фильмов, которые, как правило, не выдерживают критики, а зачастую просто вызывают зевоту. Повествование ведется то от лица автора, то словами Квентина, то его друзей и коллег; главы щедро украшены цитатами, отзывами кинопрессы и, разумеется, фирменными диалогами режиссера (мир Тарантино выстраивается на глазах, как только персонажи его фильмов начинают говорить). А уж графическое оформление книги — это отдельный вид искусства.

Тарантино весь о двух сторонах: при написании сценария он вдохновляется самой жизнью, а при его воплощении — киноискусством; его заимствования из фильмов, как заметил автор, можно называть плагиатом, а можно — интертекстуальностью; он приписывает услышанные диалоги себе, но разве «услышать» — это не качество гения?

Да, он синефил. Он настолько любит кино, что может пересматривать один и тот же фильм несколько раз. В этом смысле он подобен грудному младенцу, ненасытно вкушающему молоко матери, поскольку никогда не скажет: «Опять на ужин то же самое!» Чего уж там, Тарантино будет рад, если окажется то же самое — ради этого он, собственно, и ходит трапезничать. Еще в детстве он мог весь день провести за чтением и просмотром телевизора. Его первый фильм «День рождения моего лучшего друга» создавался не в муках творчества, а был такой легкомысленной забавой, рожденной из случайно брошенного дружеского «А давай!». Его репутация во многом создана фестивальной культурой — он «дитя Сандэнса» и любимчик Канн.

Придуманные им персонажи ведут себя так, будто они не знают, что по сценарию им отведена второстепенная роль. Они как и в жизни говорят о какой-нибудь «фигне», и это выглядит просто забавно. В конце концов давно пора официальному искусствоведению добавить к двум вечным темам в культуре — любви и смерти — третью: «фигню». Тарантино не боится шиканья со стороны моралистов. Их «бу» он противопоставляет свои «бум», «бам» и «бах». Да и к чему споры, к чему защитные речи? Пока одни имеют обыкновение злиться из-за отрезанного уха в «Бешеных псах», другие находят удовольствие в легендарном танце из «Криминального чтива». Кино и есть адвокат самого себя. Режиссер не мыслит кино в категориях «хорошо» и «плохо», важно — «красиво» или «некрасиво».

В сущности, как мы знаем из «Бесславных ублюдков», он и реальную историю может переписать ради художественного замысла. Хотя «переписать» — это не совсем верное слово. Если история — это то, что было, то его фильмы — это то, что могло бы быть. Главное — всегда иметь под рукой блокнот вместе с черными и красными фломастерами, остальное придумается само собой.

Прожить жизнь, чтобы затем о ней снять фильм — вот его принцип. Автор этой книги предлагает пойти по обратному пути: увидеть за творчеством спрятанную биографию. Расшифровать ее, не боясь встретить непарламентские выражения.

В конце концов, то, что мы называем языком Тарантино, — нечто большее, чем литература и кинематограф, — это язык жизни.

**Николай Никулин,
журналист, кинокритик,
телеведущий, писатель,
автор документального
фильма «Квентин Тарантино.
Профессиональный жулиган».**

Содержание

7   **Введение**
25   **Ранние годы**

39   **Сценарии**

РЕЖИССЕР

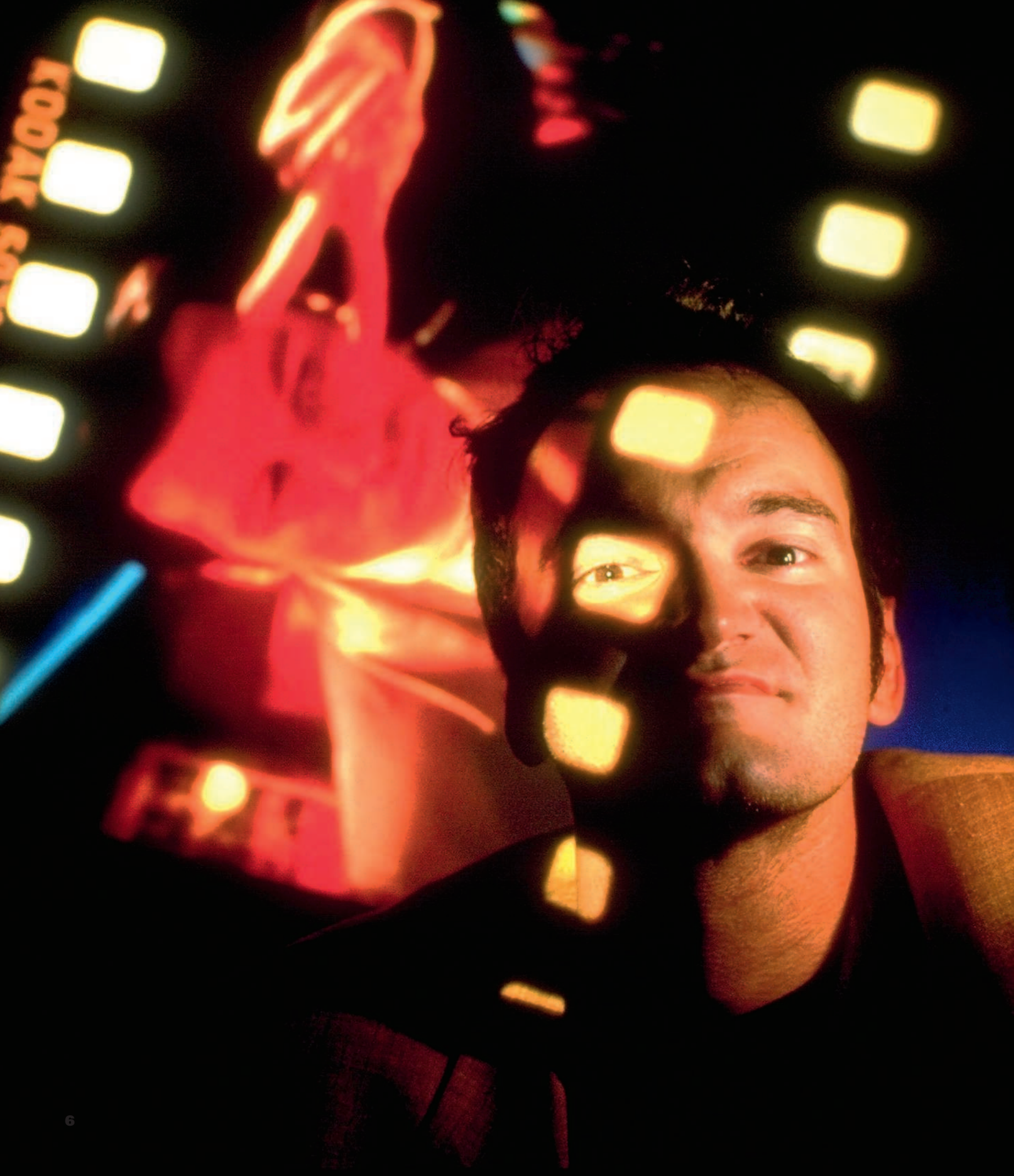
57   **Бешеные псы**
79   **Криминальное чтиво**

107 Антракт

Четыре комнаты и
От заката до рассвета

121   **Джеки Браун**
143   **Убить Билла**
169   **Доказательство смерти**
185   **Бесславные ублюдки**
207   **Джанго освобожденный**
227   **Омерзительная восьмерка**
243   **Однажды в... Голливуде**
258   **Эпилог**

264   **Фильмография**
270   **Библиография и источники**
иллюстраций

ВВЕДЕНИЕ

Когда Квентин Тарантино собирается писать сценарий к фильму, первое, что он делает, – идет в канцелярский магазин. Там он покупает блокнот на 250 страниц и фломастеры черного и красного цвета. Раньше он писал в публичных местах – ресторанах, барах, кофейнях, на задних сиденьях автомобилей – везде, только не дома. Недавно он написал «Джанго освобожденного» на балконе своей спальни в огромном особняке на Голливудских холмах. Балкон выходит на бассейн и апельсиновое дерево, немного в отдалении – каньоны, хребты которых окрашены в зеленый. На балконе есть небольшие динамики, чтобы он мог слушать музыку.

Тарантино просыпается в районе 10–11 утра, отключает стационарный телефон, медленно выходит на балкон и включается в рабочий день продолжительностью шесть-восемь часов, если все идет хорошо. Он считает, что самое простое в работе над сценарием – это писать диалоги. Если его послушать, то он скорее не пишет речь своих персонажей, а транскрибирует ее. Иногда лучшие моменты приходят тогда, когда он думает, что уже закончил сцену. Например, он и не

*НАПРОТИВ :
В СВЕТЕ ПРОЕКЦИИ
«КРИМИНАЛЬНОГО
ЧТИВА»*

*СПРАВА : ДОМА
НА ГОЛЛИВУДСКИХ
ХОЛМАХ, 2013*

думал, что члены банды из «Бешеных псов» начнут спорить между собой о цвете их имен. Не подозревал он и о том, что Мистер Блондин собирается достать опасную бритву из своего ботинка.

«Моя голова – это губка, – говорит он о своей писательской деятельности. – Я слушаю, о чем говорят вокруг меня, наблюдаю за поведением людей, слежу за их поступками. Кто-то рассказывает мне шутку, а я ее запоминаю. Люди делятся какими-то интересными историями из жизни, и я их тоже запоминаю... Когда я собираюсь прописывать своего нового персонажа, моя ручка превращается в своего рода антенну – она поглощает всю информацию, и внезапно эти персонажи появляются из-под ее пера уже более или менее сформированными личностями. Я не пишу их диалоги; я делаю так, чтобы персонажи разговаривали друг с другом».

Часто во время работы Тарантино звонит своим друзьям и говорит: «Послушай вот это», – а затем читает им то, что уже написал, но не для того, чтобы получить их одобрение или критику, а скорее для того, чтобы послушать все это вроде как со стороны. После знакомства с кинокритиком Элвисом Митчеллом на кинофестивале в Сиджесе в 2004 году Тарантино прочел ему сценарий «Доказательства смерти» в патио отеля в Лос-Анджелесе.

«Даже у машины есть своя собственная жизнь, и не такая, как у Кита, персонажа сериала 2000 года "Рыцарь дорог", – отметил тогда Митчелл. – Восхищение Тарантино персонажами идет рука об руку с благоговейным страхом, потому что его читка показала, насколько каждое создание имеет погруженную в себя, наполненную дискуссиями

*СПРАВА: В ОКРУЖЕНИИ
СВОИХ ТРУДОВ.
ПАТРИК ФРЭЙЗЕР
СФОТОГРАФИРОВАЛ
ТАРАНТИНО В ЕГО ДОМЕ
В КАЛИФОРНИИ, 2013*

50 pcs.

FRAGILE

BERG BROS.

HOLLYWOOD FILM CO.
TYPE 68
11/10/01

HOLLYWOOD FILM CO.

Case Name
DATE
TIME
LOCATION
SCOPE
SERIAL

TOSHIBA
R#1,2

Case Name
DATE
TIME
LOCATION
SCOPE
SERIAL

BLUE
R#1,2

Case Name
DATE
TIME
LOCATION
SCOPE
SERIAL

BLUE
R#1,2

Case Name
DATE
TIME
LOCATION
SCOPE
SERIAL

BLUE
R#1,2

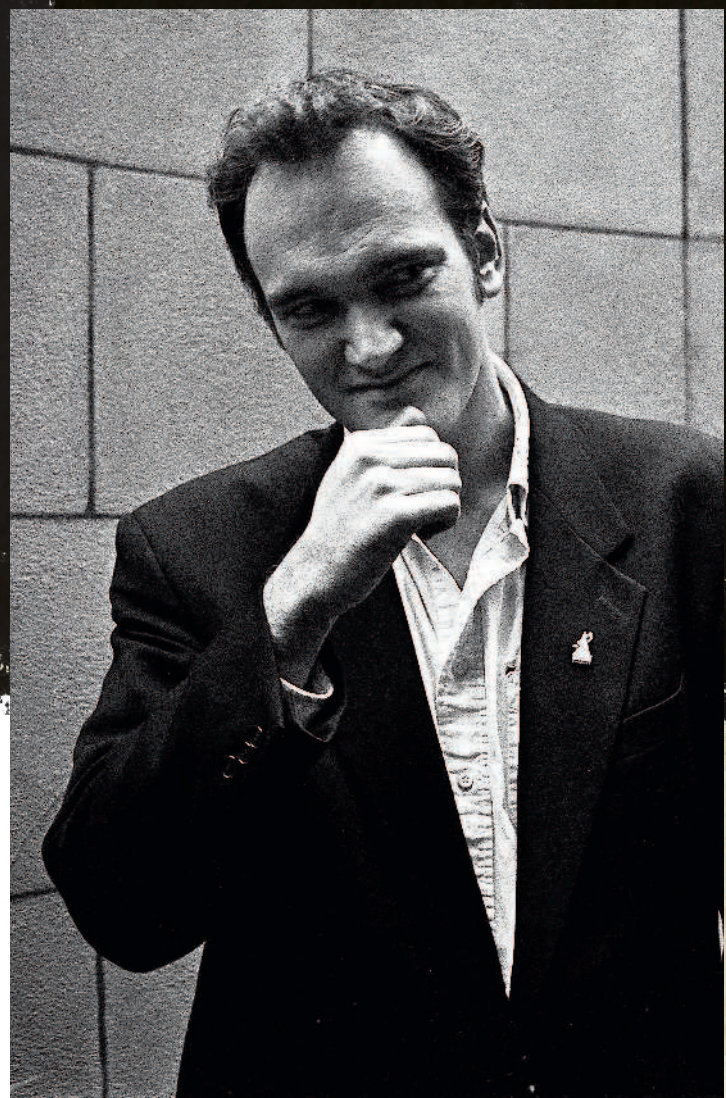
жизни... Когда слушаешь, как он громко читает свои рукописи, удивляешься тому, что каждый его персонаж сталкивается с чем-то очень специфическим — по большей части это сильное желание быть понятым, но при этом на своих условиях».

Как только Тарантино заканчивает работать над сценарием, он набирает его одним пальцем на печатной машинке Smith-Corona, которая ему досталась в наследство от одной из бывших девушек и которую он использует еще со времен «Бешеных псов». Несмотря на коэффициент интеллекта, равный 160 баллам, дислектик Тарантино вылетел после девятого класса средней школы в Харбор-Сити, Лос-Анджелес. Он не может правильно писать слова и ставить знаки препинания. «Мою писанину невозможно читать», — говорит Тарантино. Он часто отдает сценарий другу или машинисту, чтобы тот его переписал. Затем он снимает с него 30–35 копий и закатывает вечеринку у себя дома.

«Я посылаю копии Харви Вайнштейну и другим людям, а потом мои друзья просто весь день приходят ко мне, берут свои копии — я не ставлю на них никаких водяных знаков или еще какой защиты, — мы пьем шампанское, тусуемся, болтаем и едим».

Стены дома Тарантино увешаны афишами фильмов. В нем есть бронзовые скульптуры Мии Уоллес из «Криминального чтива», Луиса, Мелани и Макса Черри из «Джеки Браун», Мистера Блондина из «Бешеных псов», которые Тарантино заказал у художников из Техаса. Дизайн кинотеатра, построенного в крыле его дома, напоминает старомодные кинотеатры: ковролин во весь пол с узором в виде бриллиантов, бархатные канаты, поддерживаемые невысокими медными столбиками. В кинозале около 50 красных кресел, расположенных рядами, для гостей, а в передней его части находится красный диван, на котором Тарантино сидит, если он один. Когда Квентин вечером возвращается домой после позднего двойного сеанса в кинотеатре, для него не в диковинку пойти в свой кинозал и посмотреть третий или четвертый фильм подряд. Сидит он с откинутой головой, широко открытыми глазами и приоткрытым ртом.

«Если бы я писал персонаж Квентина, он был бы громким, милым, мягким и таким приветливым, что в это трудно было бы поверить. – Но самое главное, он был бы сумасшедшим ублюдком», – Пол Томас Андерсон.

Никто не знает клише об интервью с Квентином Тарантино лучше, чем он сам – «болтун» и «сумасшедший», всегда «неуклюже вваливается» в комнату, «чрезмерно жестикулируя», и так далее, – но его голос может внезапно стать удивительно мягким, а жестикуляция – почти женственной. Квентин часто трогает ямочку на подбородке, когда высказывает свою точку зрения. Эго Тарантино производит очень много шума, но оно сглаживается безграничным энтузиазмом – не важно, относится ли он к его собственной работе или к творениям других людей, и в итоге его поведение воспринимается неким проявлением великодушия.

«Если бы я писал персонаж Квентина, он был бы громким, милым, мягким и таким приветливым, что в это трудно было бы поверить. Но самое главное, он был бы сумасшедшим ублюдком, – сказал его друг, режиссер Пол Томас Андерсон, журналу *Vanity Fair* в 2003 году. – Я бы нанял кого-то с огромными яйцами, неуклюжей походкой и чуткой душой».

Эта мягкость в основном проявляется в его работе с актерами. Он сам актер и наслаждается возможностью исполнять желания в стиле Опры Уинфри в процессе кастинга, зачастую не прибегая к

СВЕРХУ: ПРИНЯЛ СВОЮ ФИРМЕННУЮ ПОЗУ ДЛЯ ПОРТРЕТА. ФОТОГРАФ МАРТИН ГУДАКРЕ, 1994

ВНИЗУ: С ПРОДЮСЕРОМ ХАРВИ ВАЙНШТЕЙНОМ В ГОЛЛИВУДЕ НА ПРЕМЬЕРЕ «БЕССЛАВНЫХ УБЛЮДКОВ», АВГУСТ 2009-ГО

СВЕРХУ: С ДЭРИЛ ХАННА,
ДЛЯ КОТОРОЙ ОН НАПИСАЛ
РОЛЬ ЭЛЛИ ДРАЙВЕР В «УБИТЬ
БИЛЛА», 2003

обыденным способом сообщить актерам, что он написал роль специально под них.

«Я принимала участие в театральной постановке в Лондоне, и однажды вечером, после того как занавес уже был опущен, в моей гримерке появился Квентин, – рассказывает Дэрил Ханна о том, как Тарантино пришел предложить ей роль в фильме «Убить Билла». – Он сказал, что прилетел в Лондон, чтобы увидеть меня на сцене, потому как хотел мне сообщить о роли, написанной под меня в своем фильме. Я его раньше никогда не видела. Он мне сказал, что видел меня в каком-то фильме по кабельному, я этот фильм даже сама не смотрела и названия его не помнила. Я такая: «Хм, где скрытая камера?» Никогда не знаешь, чему стоит верить. А потом, несколько месяцев спустя, он высылает мне сценарий. Это было просто невероятно!»

Прежде чем принять окончательное решение, Тарантино любит пообщаться с актером, которого хочет взять на главную роль в свой фильм. Традиция, которая берет начало с кастинга на фильм «Бешеные псы», когда он провел вечер, напиваясь с Тимом Ротом на Сансет-Стрип. Прежде чем взять Джона Траволту в «Криминальное чтиво», он пригласил актера в свой дом; их встреча закончилась уже под утро пением песни You're the One That I Want.

Тарантино любит снимать длинные сцены, иногда до десяти минут, с несколькими сменами кадров – стиль, который он впервые применил в «Бешеных псах». На съемках он всюду скачет, со всеми разговаривает, его подобный удару молотка смех раздаётся почти каждую минуту, но когда он начинает раздавать указания своим актерам, он становится очень сосредоточенным. «Квентин шепчет тебе свои указания, это так здорово, как будто ты его сообщник, – отметил Дэвид Кэрредин во время съемок „Убить Билла“ . – Он очень возбужден, сфокусирован на воздействии моментов, которые он старается заснять... Он находится на грани между одержимым пророком и сошедшей от любви с ума наседки».

Тарантино – один из немногих работающих в наши дни режиссеров, которые не используют монитор. Он проверяет, как выстроен каждый кадр, но при этом всегда сфокусирован на том, что происходит непосредственно перед камерой. Во время танцевальной сцены в ресторане «Джек Рэббит Слимс» в «Криминальном чтиве» он танцевал вместе с Джоном Траволтой и Умой Турман, сразу за кадром, и он аплодировал, когда они закончили танцевать. «Вы полностью завладели нашим вниманием на 13 часов», – сказал он своим звездам.

Во время работы над фильмом Тарантино просматривает много чужих картин. «Квентин обладает огромными знаниями в области киноискусства по сравнению с любым другим человеком, и это помогает ему в работе», – сказал Брэд Питт о съемках в «Бесславных ублюдках». На этих съемках каждый четверг проводилась ночь кино с режиссером, они смотрели все подряд, от «Хорошего, плохого, злого» до пропагандистских немецких фильмов и таких мрачных жемчужин, как «Темнота солнца».

Когда недельные съемки подходят к концу, Тарантино любит ходить на вечеринки, зачастую подолгу тусуясь в субботу и просыпая все воскресенье, чтобы быть снова готовым работать в понедельник. «Квентин очень хорошо знает, чего хочет в плане веселья, – сказал Кэрредин. – Он решительно и твердо идет по этому пути и получает то, что хочет». Во время съемок «Убить Билла» Тарантино со своей командой ходил по открытым всю ночь барам в Пекине, они употребляли экстази на Великой Китайской стене. Во время съемок фильма «Джанго освобожденный» они ходили по барам в Новом Орлеане. «Мы гуляли до 6–7 часов утра, а потом просто весь день спали и поправляли здоровье в воскресенье, иногда мы смотрели кино, а в понедельник возвращались на съемки, – говорит Тарантино. – Наступают выходные, и все, чего я хочу, это укуриться до состояния овоща. Это просто конец рабочей недели».

На этой странице: друзья и коллеги: (вверху) на праздновании открытия собственной звезды на Аллее звезд с Сэмюэлем Л. Джексонем в 2015 году; (внизу слева) на вручении премии CRITIC'S CHOICE AWARDS с Тимом Ротом в 2011 году; (внизу справа): во время продвижения «Криминального чтива» с Джоном Траволтой в 1995 году

KROQ

BACK TO BACK

До внезапной кончины от теплового удара в 2010 году во время прогулки с собакой в Бронсон Каньон Салли Менке монтировала каждый фильм Тарантино, от «Бешеных псов» до «Бесславных ублюдков». Она предпочитала работать в специально переоборудованном частном доме, нежели в студии. К тому моменту, как они сделали «Убить Билла», они уже настолько стали понимать друг друга на подсознательном уровне, что могли обойтись без слов все пять месяцев съемок, пока Менке готовила предварительный монтаж, а Тарантино продолжал снимать.

«Мы что-то вроде киносупругов, – говорила Менке об их сотрудничестве. – Фишка Тарантино заключается в умении комбинировать. Мы учились по другим фильмам и другим сценам, но только для того, чтобы поймать настроение, необходимое для нашей сцены, – как, например, для эпизода в фильме «Убить Билла», где Ума Турман встречается с кланом «88 бешеных». После просмотра некоторых крупных планов из фильмов Серджио Леоне стало понятно, как мы хотим смонтировать эту сцену. Наш стиль заключается в подражании, а не в преклонении. Речь идет об изменении контекста киноязыка, мы стараемся его освежить внутри нового жанра. Этот язык полон деталей».

Тарантино очень любит наблюдать за публикой. Он посмотрел «Джеки Браун» 13 раз после выхода фильма в сети кинотеатров Magic

Слева: показывает границы кадра на съемках «Доказательства смерти», 2006; вверху: «Киносупруги». Квентин со своим другом и монтажером Салли Менке на вручении премии American Cinema Editors Awards, Беверли-Хиллз, 2007